

ВЛАДИМИР МАКАНИН

ОДНОДНЕВНАЯ ВОЙНА

Часть сборника: Антиутопия (сборник)

Владимир Семенович Маканин

Однодневная война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130728

Аннотация

«Петербургская таксистка, она и точно молода, улыбчива, энергична, но ей довелось работать как раз в эту ночь. (Хотя, вообще говоря, женщин-таксисток в ночь щадят. Их подменяют.) А с первым же пассажиром пришлось изрядно поплутать по темным и полутемным улицам. Мужчина был один, мрачен и без чемодана, без какой бы ни было вещевой сумки. Но все обошлось. Высадив угрюмца, она катит по пустынной улице. Вокруг никого. Окраина Петербурга...»

Владимир Маканин

Однодневная война

Рассказ

Едва ли молодая женщина объявится хотя бы еще раз вплоть до финала – ей как-то нет места, не востребована, и потому она легко появляется в начале и сразу, здесь и сейчас.

Петербургская таксистка, она и точно молода, улыбчива, энергична, но ей довелось работать как раз в эту ночь. (Хотя, вообще говоря, женщин-таксисток в ночь щадят. Их подменяют.) А с первым же пассажиром пришлось изрядно поплутать по темным и полутемным улицам. Мужчина был один, мрачен и без чемодана, без какой бы ни было вещевой сумки. Но все обошлось. Высадив угрюмца, она катит по пустынной улице. Вокруг никого. Окраина Петербурга.

Она притормозила, заметив фонарь и какие-то три симпатичные елочки, смело растущие рядом с проезжей частью дороги. Это у самого тротуара. И никто не видит. Заглушив мотор и не забыв (опаска!) взять ключи, молодая женщина быстро выходит из машины. И к елочкам.

Улица спит. Только в доме, что напротив, горит одно окно. Там к стеклу прилип старик. И бесцельно смотрит в никуда.

Он и не спал, когда его вдруг разбудили. Его выдернули из той сладкой стариковской дремы, когда в полусне кажется, что вот-вот и уже возвращаются былые силы. Как ждешь!.. Последние эти силы по-ночному невнятные, ускользающие, твои и не твои. И никак не знаешь – не продолжение ли это дремы? Не обманка ли на минуту-две, чтобы подразнить?..

А разбудил его поздний телефонный звонок. Конечно, не следовало в ночное время брать трубку, но дернулся с постели, заторопился рукой и уже взял, и теперь слушай в очередной (в сто первый) раз, как хамский неспешный голос говорит:

– А-а. Это ты... Уже СКОРО.

Хохотнув, бросили трубку.

Старик сколько-то еще помедлил, подержал трубку, дослушивая сыплющиеся оттуда хамские гудки, и в свой черед положил трубку на базу. Так теперь говорили – «положить на базу». Раньше, в его время, употребляли некрасивый глагол «повесить».

Можно было снова лечь в постель и, если получится, упасть в живительную дрему. И можно было, укладываясь на правый бок, подумать о своей мягкой постели и о себе самом шутливо, в третьем лице: старичка, мол, тоже после разговора положили на базу.

Но прежде, пользуясь таким ясным (на недолго) ночным своим сознанием, он подошел к окну. Нынче луна! И приостренным взглядом смотрел на полутемную пустую ули-

цу... Увидел такси. Машина вдруг остановилась, вышла водитель-женщина и шмыгнула в три елочки, что поблизости. Справила там скоренько нужду. Старик не увидел да и не угадал. Он только увидел, как, счастливая, она снова появилась возле своей машины и, подняв глаза, смотрела. Смотрела весело на дом, что напротив. Конечно, на окна – и на него.

Взгляд ее длился секунду-другую, но старик успел обрадоваться. А она помахала ему рукой. Нас, мол, сейчас двое бодрствующих, ты да я, в этой сонной петербургской ночи. Возможно, своей отмашкой она еще извинялась за елочки и за нужду – бывает! что поделать! Ее ладошка так и сверкнула в свете то ли луны, то ли фонаря.

Петербург мерз уже осенью. Свет, как и тепло, строжайше сэкономили, но возле дома, где старик, всегда горел этот единственный на улице ночной фонарь.

Таксистка уехала, а старик остался за своим окном, радый какому-никакому контакту. Он пребывал здесь что день, что ночь один и взаперти, он был под домашним арестом. Дело в том, что старик был экс-президент.

Когда, минутой позже, сзади ему в ногу уткнулось нечто теплое, он ничуть не испугался: знал, что это сунулась за лаской крепкая морда его сотоварища – его пса. Пес, и никто другой. Не отрываясь пока что от окна, старик рукой потрепал пса по морде, а тот ему ответно коротко и радостно взвыл:

– Уу-ууу.

Эхом (комнатным) в отклик вернулось еще одно «уу-ууу...». Словно бы издалека подвыл нам еще один некий пес – похоже, подумал старик, на заокеанское эхо. Уж очень издалека.

Внизу, на входе в подъезд этого дома, стояли стол, стул, телефон и заодно крепкий мужской душок охраны – там расположился вахтер: если что, он свистнет! А сбоку с открытой, конечно (с распахнутой настежь), дверью комнатка отдыха, где спали еще трое-четверо крепких и, конечно, вооруженных ребят, – молодых и быстрых. Эти свежо прихрапывали. Экс-президент не был с точки зрения охраны хоть как-то опасен. Будь даже свободен, никуда бы не делся. Старик уже не был достаточно подвижен, чтобы слинять.

В сущности, его охранял этот единственный вахтер, тоже старый хер и тоже уже одинокий. Он был мучим легкой бессонницей, и сам напрашивался сидеть здесь ночь напролет: пусть ребята поспят!

Была же песня времен его давней юности (песня его дедов), где высокими до небес голосами выводили так: *пу-усть солдаты немного поспят...*

Они и спали. А вахтер подумывал о том о сем и как бы невзначай об экс-президенте – каково, мол, ему, сторожимому старику, сейчас? При этом ночное его сопереживание никак не обобщалось. Во всех странах так!.. Всеобщее преследование влиятельных стариков (принцип да и двигатель нынешней общественной жизни) казалось старику-вахтеру ло-

гичным. Так им, властным, и надо. Всё путем! Чужая беда не обязательно в радость, но беда этих, властных, не зря же почему-то греет нам наши скромные жизни и души. Именно. Мы не экс-президенты, а просто старики. О нас не пишут газеты. Нам преотлично в нашей малости. (Если что нас и преследует, то только собственные старческие запахи. Да насмешки, пожалуй, наших шустрых внуков, считающих, что мы уже воняем...) А этот сторожимый старик получил по заслугам. В конце концов, разве он не живой человек – и разве, забравшийся наверх и такой всем известный, не насобирав он по жизни разных грешков?..

На столь сурово-справедливой, но отнюдь не участливой и не развернувшейся к самому себе (пока что) мысли вахтер впал в вялотекущую ночную нирвану. Не сон – но покой.

Покой старика-вахтера, как покой и сон многих вахтеров, привычно держался всего-то на двух крепких китах: пока он здесь сторож, ему есть хлеб и тепло, дом отапливается – это во-первых! И еще одно успокоительное, какое он принимал ежедневно. Какое каждый вечер он нет-нет и пил (черпая) из телевидения... Это касалось мира. Это касалось знаменитых ракет СС-очко.

Модернизированная кассетная СС-21, в просторечии *СС-очко*, и впрямь кого хочешь могла успокоить. Ее хорошо знали. Едва взлетев в сторону предполагаемого врага, ракета как бы играючи делилась на десять. Был и баллистический сюрприз: вместе с «горячей десяткой» боевых, из того же само-

раскрывающегося гнезда вылетали на волю еще ровно сорок ничем не начиненных и легких ракет-болванок. Пустые ракеты так и звали «пустышками». Именно из-за «пустышек», поскольку в полете от самонаводящихся боевых никак не отличимы, число ракет (которые врагу перехватывать!) возрастало до пятидесяти: 10+40.

С пещерных дней мы побаивались удара свыше: грома и молнии, затем Божьей кары, а теперь еще и ракеты! С пещерных дней всюду, где ни выступ, суём и крепим маленькие свои штыри-громоотводы. Молитва – чудный щит, из крепких, но не одной же молитвой живы нынешние. И потому (не только в связи с СС-очко, но, кажется, с нее началось) возник глобальный и всем известный блестящий проект: повесить над Землей тысячу спутников, которые уследят и упредят любые размножающиеся в воздухе ракеты... Общий проект – для всеобщего спокойствия. Это ли не главное? Это ли не громоотвод для нашей разросшейся пещеры? Это ли

не цель желанная?.. —

цитировала великого поэта одна из газет в те дни. И заканчивался пещерный пассаж тем, что чувство причастности к миру, вернее *к деланию мира*, охватило наконец все навоевавшиеся народы без исключения.

Развешивалась в небе долго лишь первая сотня спутников, затем вторая, третья... уже динамичная пятая, седьмая

– впечатляюще! (Даже зрелищно. Мы все с хорошим воображением.) Было похоже на грандиозные новогодние приготовления, когда, перебирая ветку за веткой, подвешивают на елку золотистые лампы-шары. Еще и по углам комнаты – и на сам потолок! – и даже (вот баловство!) на комнатные растения. Последние шарики развешивают там и тут, где попало, после чего разом включают свет – а теперь смотрите!.. Лазерный свет спутников, сотня за сотней, включался (смотрите!..), чтобы контролировать случайный взлет своих ли, чужих ли – чьих бы то ни было самонаводящихся ракет. Старички-вахтеры всего мира могли спокойно себе подремывать. И хорошо. И пусть их!.. А что еще есть у стариков (когда свое по жизни отработали), кроме ночных дежурств, болезней и назойливой мысли о безопасности отечества?

Развешивалась последняя, десятая сотня спутников, когда в России, уже, казалось, устоявшейся и привычно европейской, вдруг конфликт. Религиозные трения, констатировали газеты, тем и вечны, что их искры поддувает ветерком истории. Всегда сыщется горстка неостывшего пепла.

В пестрой России это могли быть татары, башкиры, чеченцы, черкесы... Так что было случайностью, что именно татары... что федеральные чиновники, занимаясь нужными, но мелкими хозяйственными делами, умудрились крепко задеть (газеты так и писали: *оскорбить*) религиозные чувства татар, а не кого-то, скажем, других. Но так получилось. Коле-

сики Истории в таких случаях «на чуть» поворачиваются сами. А первыми ласточками стали волнения молодежи в столице Татарстана, когда казанские студенты, повязав зеленые исламские повязки, собирались там и тут на сходки, сидели на трамвайных, на троллейбусных путях и вдруг среди бела дня перекрыли железную дорогу поезду Казань – Москва. Студентов так и звали: «зеленые ласточки».

Университетские начальники (еще «на чуть») распорядились не лучшим образом, призвав и пустив в ход милицию. *Когда неверующие агрессивны, верующие, слава Аллаху, воинственны.* Это подтвердили тысячные толпы на площади и страсти ночного пожара (на другой день) в самой старой, в старинной мечети города. Пожар наверняка был случаен, но История в особенности любит случай. И так непоправимо совпало, что российский президент отсутствовал: вылетел в эти дни на зарубежный саммит. Группка же его заместителей, руководя из Москвы и явно растерявшись, ввела наспех в Казань армейские части. Вползли танки... Все стало узнаваемым. Узнаваемое – стало родным... Стрельба по крышам, по открытым окнам. Залпы... Студенты сжигали танки и самосжигались. Снимки газет и кровавые картинки ТВ облетели мир. Мир качнулся... зашатался...

Шел XXI век, но и ему, XXI, как и всем предыдущим, недоставало положительного опыта. Знали – *как не надо* ... Запад – через решение ООН – требовал от России незамедлительно: танки из Казани вывести. Вместо них войдут меж-

дународные армейские части. Международные войска (это обещалось) будут нейтральны в ддящемся национально-религиозном конфликте. Знакомо подключился Гаагский трибунал. Русские в запале еще более знакомо посоветовали не вмешиваться в их внутренние дела. Колесики Истории этого, собственно, и ждали. Колесики затаились. (Им бы только еще «на чуть» повернуться!) Добрая воля и стойкость (или нестойкость) этой воли в нас – две независимые, увы, друг от друга вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.